

1995 г.

Аверьянов Л.Я. ПОЧЕМУ ЛЮДИ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ? М.: Социолог, 1993. 150 с.

Всё же, что такое «вопрос» для нас? В самом деле, если спросить любого встречного, зачем люди задают вопросы, то получим стереотипный ответ: «Только затем, чтобы получить информацию». Другими словами, мы задаем вопрос только тогда, когда чего-то не знаем и только за тем, чтобы получить новое значение. Точно таким образом квалифицируется вопрос о логическом словаре Н.И. Кондакова. И против этого возразить что-либо очень трудно. Но автор рецензируемой книги придерживается совершенно другой точки зрения, если быть точным, совершенно противоположной. А именно: вопрос мы задаем тогда и только тогда, когда уже знаем ответ.

Конечно, такая постановка является парадоксальной. Автор старается доказать, что это именно так, давая глубокий экскурс в историю философии, начиная с Аристотеля, который, оказывается, уделил этой проблеме довольно большое внимание в своих «Топиках».

Но из всего многообразного исторического материала автор сделал только два взаимосвязанных вывода. Первый, что «вопросом» в истории философии по-настоящему никто не занимался, и второй, что проблема эта оказалась нерешенной до сего дня. Другими словами, сегодня никто не знает, зачем мы задаем вопрос, т.е. какую роль он играет в познании и в практической жизни. Поэтому Л.Я. Аверьянов, предложил свое решение и видение проблемы «вопроса».

Однако для того чтобы ответить на вопрос о «вопросе», автору пришлось обратиться к теории познания, точнее, к ее некоторым аспектам. Он задал сам себе вопрос: каким образом человек познает мир посредством «вопроса»? Разделив процесс познания на два равных и условных этапа, автор убедился в следующем. Человек воспринимает окружающий мир и любую его частичку, сколь бы мала она ни была, исключительно в некоторой системе знания или концептуально. Если явление или объект не находят своего места в имеющемся прошлом значении человека, то оно просто им не воспринимается и для сознания не существует. Если у человека нет, например, концепции заграничного фрукта, появившегося сегодня на прилавке магазина, то он для него и не существует. И для того, чтобы понять и познать его, человек расчленяет

данный объект на части столь мелкие, чтобы каждая из них могла найти свою концепцию в сознании человека, примерно так, как это происходит в известной притче со слонем и слепыми мудрецами. Проведя анализ по частям, человек затем приводит синтез знания и получает искомое представление об объекте, но только в рамках решаемой человеком задачи с помощью и посредством данного объекта.

Но точно так же концептуально человек строит свои отношения с миром в целом. Исходя из сформировавшейся концепции, что заморский фрукт съедобен, что его можно кусать губами, человек так и начинает поступать с ним. И вот здесь самое интересное, применительно к «вопросу». Автор высказывает вполне тривиальную и хорошо понятную, даже с точки зрения здравого смысла, идею: полученное знание может быть неверным. Заморский фрукт, оказывается, так сразу зубам не поддается. Концепция съедобности применительно к яблоку, например, оказалась неверной и сознанию приходится в этом случае строить совершенно новую или уточненную концепцию. Но почему так происходит, почему нельзя получить сразу же точное и адекватное знание, каков механизм образования нового знания и т.д.?

Если расчленить процесс образования нового знания на составляющие части (этапы), получится интересная картина. Постоянной абстрактной величиной процесса получения знания выступает квант информации. Изображение, попадающее на сетчатку глаза, содержит бесконечное множество таких квантов. И сознание в обязательном порядке «обрабатывает» каждый такой квант, чтобы его идентифицировать и приписать адекватное ему содержание.

Понятно, что такое дело требует огромной мыслительной работы и бесконечной энергии, и вряд ли оно было бы выполнено, если бы природа не придумала интересный прием. Сознание типологизирует кванты информации, создает классы, роды, виды информационных потоков, которые в философии называются понятиями, концепциями, системами значений и т.д. И каждое новое явление как квант оценивается сознанием по ограниченному количеству признаков, чтобы отнести его в тот или иной класс, вид и проч. Так, в тепле увидев знакомого, мы идентифицируем его по-ограниченному

количеству признаков: походке: одежде, жесту и др. Это великолепное изобретение природы, но его ахиллесова пята — анализ нового явления осуществляется на основе прошлого знания человека, которое всегда не в полной мере адекватно действительности. Объективная реальность изменчива, подвижна и в каждый сколь угодно малый отрезок времени, другая: концепция человека постоянная, консервативная, дискретна в своем процессе изменчивости и поэтому всегда отстает от действительности в ее адекватном отражении. И в силу этого наше новое знание оказывается в большей или меньшей степени неверным, неистинным. Оно становится возможно истинным знанием или, по терминологии автора, концептуально-гипотетическим.

На этом уровне для человека его знание обладает всеми атрибутами истинного знания. Но имеет маленькое, однако принципиальное отличие: оно может быть не истинным для другого человека и объективной реальности в целом. И чтобы сделать свое знание истинным не только для себя (в конечном итоге и для самого себя, чтобы «освежить» свое прошлое знание), оно должно быть проверено, как раньше писали, практикой. До тех пор пока это новое знание не будет проверено, оно остается только возможно истинным знанием. Это примерно как с невестой: пока брак не зарегистрирован, она останется потенциальной женой, что далеко не одно и то же с женой законной.

Так вот, проверка знания и осуществляется посредством системы вопрос—ответ. Вопросно-ответные отношения — это процесс превращения концептуально-гипотетического в доказанное знание. Каким образом, по мысли автора, это происходит?

Как только человек сформировал у себя в голове новое знание или концепцию, он в обязательном порядке осуществляет какие-то свои действия относительно исследуемого объекта (в виде вопроса или какого-то акта действия в данном случае не столь важно), предлагая ему свое выработанное знание на проверку и как бы спрашивая его: «А верно ли я понял тебя, что ты представляешь из себя то-то и то-то?» И если ответные действия объекта подтверждают концепцию, то можно констатировать, что полученное знание истинно, и оно моментально превращается из концептуально-гипотетического в доказанное. Именно поэтому автор говорит, что мы задаем и можем задать вопрос только в том случае, если нам известен ответ, т.е. у нас имеется уже готовое концептуальное знание. Мы только проверяем его, задавая вопрос. Поэтому вся процедура социологического исследования с его анкетами и множеством вопросов есть только проверка заложенного в социологической программе знания и не более того. Исследование не даст ровным счетом никакого

нового знания, оно только проверяет его посредством ответов респондентов.

Конечно, автор здесь слегка утрирует, чтобы привести свое утверждение к афористической форме. Любое новое знание основано не только на прошлом знании, но и на «свежем» эмпирическом материале. Данные социологического опроса и есть такой эмпирический базис, но уже для другой социологической концепции, которая будет заложена в программу исследования и проверена методом опроса и т.д.

Исходя из своих рассуждений, автор приходит к выводу, что вопрос и ответ по существу одно и то же, т.е. процесс построения концептуально-гипотетического знания. Получая в форме вопрос концептуально-гипотетическое знание, отвечающий должен проделать точно такую же работу для определения концептуального содержания исследуемого объекта, т.е. построить свою концептуально-гипотетическую модель: фактически задать вопрос самому себе о концептуальном содержании исследуемого объекта. И если полученное концептуально-гипотетическое знание и вопрошающего, и отвечающего окажутся идентичными, можно говорить об идентифицированном, доказанном знании и спрятать слово «гипотетическое». Здесь произошло как бы оценивание исследуемого объекта с двух точек зрения (своеобразный бинокулярный метод), что и позволяет оценить объект адекватно его содержанию.

В данной работе автор предложил только принципиальную схему познания посредством вопроса. Понятно, что на практике этот процесс принимает довольно сложные формы, как, например, вопрос второго типа с вопросными операторами: кто, что, почему и проч. («Кто открыл Америку?»)! Данный «вопрос» не ложная в изложенную автором процедуру образования нового знания, поскольку в таком «вопросе» всегда один элемент является неопределенным, в частности, вопросный оператор. По автору с успехом разрешил это противоречие. Он назвал его псевдовопросом, т.е. не имеющим концепции, а только указывающим на область поиска ответа, и свел его к серии вопросов первого типа («Колумб открыл Америку?»). Именно так социологи и поступают, когда формируют закрытый вопрос, т.е. сначала формируют вопрос второго типа и к нему дают серию возможных ответов (альтернатив) с предполагаемым ответом «да» или «нет». Путем сведения вопроса второго типа к первому, все встает на свои места, и процесс познания восстанавливается как бы в чистом виде, по крайней мере согласно предложенной автором схеме.

Таким образом, в книге решается логическая структура вопроса. Она принимает форму классического двойного суждения, одно из которых является отрицательным.

Но здесь возникает странное чувство подмены понятий. Несмотря на стройную систему рассуждений и убедительность аргументов, собственно логическая структура вопроса второго типа, над чем так страстно бьются логики в течение последнего века, практически не выделен. Автор свел все трудности и довольно успешно, как уже говорилось, к вопросу первого типа, обозвав его также весьма убедительно, псевдовопросом. Но ведь он же реально существует в конкретной форме и, безусловно, имеет свою концепцию, содержание, иначе его бы просто не было, кстати, согласно выводам автора. Фактически автор свел логическую структуру вопроса к логической структуре суждения, что также довольно долго пытались сделать логики, и относительно вопроса первого типа им это в принципе удалось за маленьким

исключением: они не назвали это знание возможно истинным, как сделал автор рецензируемой книги. Можно сказать, что автор довольно изящно обошел проблему логической структуры вопроса.

Все, что написано в рецензируемой книге, является весьма интересным. Но вот возникает вопрос: не осталось ли за вопросом огромное, неизвестное пока поле методов познания, отличных от суждения, и которые, возможно, смогут открыть нам новые горизонты познания мира и развития человека? Ответа на этот вопрос о «вопросе» книга не дает, но в крайней мере позволяет почувствовать, что за известными формами познания скрываются какие-то другие.

А.В. ДМИТРИЕВ